

К вопросу о происхождении этнонима «тунгус»

Статья посвящена анализу этнонима «тунгус», распространенного в научной литературе и исторических источниках разного времени. В публикации представлен обзор существующих трактовок происхождения этнонима, а также обозначена наиболее вероятная гипотеза, основывающаяся на лингвистических и фольклорных материалах.

Длительное время этимология этнонима вызывала научную дискуссию, в которой преобладало мнение о тюркском происхождении. Во второй половине XX в. финским исследователем Ю. Янхуненом было выдвинуто предположение о самодийском (ненецком) происхождении этнонима. Позднее эта гипотеза была поддержана Е.А. Хелимским и А.Е. Аникиным.

По мнению автора, на ненецкий генезис этнонима «тунгус», в первую очередь, указывает лексический материал – в языке ненцев эвенков называют «тунго, туно, тунгос, туну, тунсо». Во-вторых, об этом свидетельствует распространенный фольклорный образ врага-тунго, которым обозначаются эвенки. Присутствие образа Тунго в ненецком пантеоне шаманских духов свидетельствует о мифологическом происхождении образа, который в результате исторических контактов ненцев с эвенками вошел в повествовательный и эпический жанры. Позднее, начиная с XVI–XVII вв., «тунгус» в виде этнонима широко распространился в результате его использования в российских исторических источниках.

Ключевые слова: этноним, эвенки, тунгус, тунгусы, происхождение тунгусов, тунгусо-самодийские связи

Этноним «тунгус», не встречаясь в виде самоназвания ни у одного из тунгусо-маньчжурских народов, к настоящему времени широко распространен в исторических документах, научной литературе, а также обиходном использовании. В среде многих групп эвенков этноним «тунгус» используется наряду с самоназванием «эвенки», при этом все эвенки осознают, что «тунгус» самоназванием не является. Этот этноним вошел в научную классификацию, закрепившуюся в языкознании и этнографии как «тунгусо-маньчжурская» группа. Различные предположения о происхождении этнонима «тунгус» периодически возникают в научной среде, однако, к настоящему времени проблема остается недостаточно освещенной в науке, что способствует распространению ошибочных предположений в художественной, а также научно-популярной литературе. Считаем необходимым осветить данный вопрос в отдельной публикации, представив существующие в науке предположения и обозначая наиболее вероятную версию происхождения этнонима.

И.Г. Георги в XVIII в. привел несколько возможных трактовок этнонима: «Тунгузы называются сами Евойенами, по тому, что праотца их звали Евоеном, также Донками, а иногда, по примеру многих сибиряков, и просто людьми (Тунг.: боје). Енисейские Остяки и Татара, называют их так, как и Россияне, Тунгузами, произведши название сие ломано от слова Донки или от Тонгон, наименования их князька, либо от татарского слова Тунгуз, которым названием гордые Татара хотели конечно изъяснить их униженность и гадкое житиё» [Георги, 1799, с. 34]. Н.Я. Бичурин, опираясь на сведения китайских исторических документов, подобно одному из предположений Георги, связывал происхождение этнонима с названием свиньи в татарском языке (донгус), опираясь также на исторические сведения о существовавших традициях свиноводства у тунгусоязычных мохэ в первых веках н.э. [Бичурин, 1951, с. 7].

Иная тюркская трактовка термина изложена в исследовании С.И. Николаева, согласно которой происхождение этнонима «тунгус» могло

быть связано с понятием «тонг уус» – «мерзлое племя» [Николаев, 1964, с. 28–29]. Весьма экзотическая гипотеза, также связанная с якутским происхождением этнонима, была представлена польским исследователем Адамом Шиманским, который связывал этноним «тунгус» со словосочетанием «тонг уос», интерпретируемым им как «мерзлый рот», т.е. «непонимающий якутской (тюркской) речи» [Шиманский, 1905]. Э.К. Пекарский подверг критике версию Шиманского, указав на отсутствие подобного выражения в якутском языке [Пекарский, 1906, с. 211].

В.А. Туголуков исключил якутское происхождение этнонима, обозначив в качестве наиболее вероятного влияние татарского языка, предположив, что этноним «тунгус» мог попасть к русским от иртышских татар в XVI–XVII вв. [Туголуков, 1960]. Позднее исследователь в совместной (с З.П. Соколовой) обзорной статье, посвященной этнонимам народов Сибири, кратко представил наиболее популярные гипотезы происхождения этнонима «тунгус», вновь обозначив в качестве наиболее вероятного тюркское происхождение: «Итак, более надежной следует считать первую версию, производящую этноним “тунгус” от тюркского термина, означающего “свинья”». При этом следует иметь в виду, что к сибирским тунгусам данный термин прилагался тюрками чисто механически на основании бесспорной этнической близости эвенков и эвенов к маньчжурам, чжурчжэням и другим обитателям Маньчжурии» [Соколова, Туголуков, 1983, с. 82].

С.М. Широкогоров отождествлял этноним «тунгус» с племенами дунху, известными из летописей китайской истории [Shirokogoroff, 1929, p. 50–51]. Подобная, весьма спорная, интерпретация встречается в учебной литературе [Кацюба, Николаев, 1994, с. 32]. А.М. Золотарев, подвергая критике версию Широкогорова, а также гипотезы, связанные с тюркским происхождением этнонима, выдвинул предположение о взаимосвязи этнонима «тунгус» с самоназваниями некоторых групп дальневосточных эвенков и родственных народов – «донки», «донкан», «дункан». Исследователь, опираясь на сведения Я.И. Линденау, привел перевод этнонимов в значениях «жители сопок», «житель тайги» [Золотарев, 1938]. В научной литературе достаточно много сведений о локальных тунгу-

со-маньчжурских этнонимах «дункан», «донки» и др., однако, кроме А.М. Золотарева и И.Г. Георги, никто из исследователей не рассматривал их во взаимосвязи с происхождением этнонима «тунгус». Например, Г.М. Василевич отмечала, что локальными этнонимами «донкан», «дункан» пешие группы восточных эвенков называли оленных сородичей. Этими же этнонимами обозначались некоторые группы нанайцев и ульчей [Василевич, 1969, с. 267]. А.Ф. Старцев отмечает, что этноним «дункан» использовался как самоназвание в среде эвенков, кочевавших по отрогам Станового хребта [Старцев, 2015, с. 60].

На наш взгляд, первым наиболее близким к решению вопроса оказался Г.Ф. Миллер, который, подвергая критике тюркские трактовки, а также отвергая собственно тунгусское происхождение этнонима, выдвинул предположение о проникновении этнонима «тунгус» к русским от кетских остяков: «Что тунгусы будто бы так называют сами себя, так же неправильно, как неверно и то, что иные производят это название от татарского тонгус (свинья). Скорее всего это название возникло у живущих на реке Кети пумпокольских остяков, которые являлись ближайшими соседями тунгусов: именно они так называют их на своем языке. По всей видимости, они служили русским переводчиками, из чего было сделано заключение о родстве их языка с тунгусским, чего, однако, при изучении не обнаружено» [Миллер, 1941, с. 39].

Анализ хантыйской и кетской лексики не выявил слов, схожих с этнонимом «тунгус». В кетском языке эвенков называют словами «хъмба», «хъмга» [Вернер, 2002, с. 109, 230]. В хантыйском языке для обозначения чужаков, иноплеменников существует термин «тон» – чужой [Хантыйско-русский словарь, 2014, с. 305], однако, думается, что его использование в гипотетических реконструкциях было бы ошибкой. По мнению исследователей, язык пумпокольской этнической группы отличался от языка ханты, кетов и других народов, расселенных в бассейне Енисея [Дульзон, 1961]. Г.Ф. Миллер в поздних трудах выделял пумпоколов в самостоятельную народность со своим особым языком [Элерт, 1999]. Исходя из гипотезы Г.Ф. Миллера, возможно, в языке этой группы существовал этноним, схожий со словом «тунгус», однако доподлинно это установить не представляется воз-

возможным – этот язык (или диалект другого языка) утерян человечеством еще во второй половине XVIII в.

В 1974 г. Ю. Янхунен выдвинул гипотезу о ненецком происхождении этнонима «тунгус» [Janhunen, 1974]. По нашему мнению, это было не только первое, в должной степени обоснованное научное предположение, но и точное попадание в самую суть проблемы. Позднее эту гипотезу поддержали Е.А. Хелимский и А.Е. Аникин: «С учетом того, что русские впервые проникли в район расселения эвенков именно с этнической территории ненцев и энцев (Meng, 1968 а: 367), заимствование нен. *tun̄go*, *tun̄gu* (Pl. *tun̄gos*, *tun̄gus*) ‘эвенк, тунгус’ в русский язык оказывается вполне естественным. Ранняя форма рус. тынгусы (1646 г., см. СлНРР: 286), встречающаяся также в английской передаче XVII в. в виде *tingussies*, *tingoosi*, выводится из нен. *T̄inkos*» [Аникин, Хелимский, 2007, с. 26–27]. Древним контактам самодийцев с тунгусо-маньчжурами и связанному с этим процессом происхождению этнонима «*tun̄go*» посвящена также отдельная публикация Е.А. Хелимского и Ю. Янхунена [Helimski, Janhunen, 1990].

На наш взгляд, интерпретацию популярного этнонима следует рассматривать именно во взаимосвязи с самодийским происхождением, а если точнее, в большей степени с ненецким. Во-первых, на ненецкий генезис этнонима указывает лексический материал – в ненецком языке эвенки обозначаются этнонимом «тунго, тунгос (мн. ч.)» [Ненецко-русский словарь, 1955, с. 194, 227; Русско-ненецкий словарь, 1948, с. 309]. Во-вторых, этимология этнонима находит широкое подтверждение в устном народном творчестве ненцев – в ненецком фольклоре чрезвычайно распространены сюжеты о военном противостоянии ненцев с эвенками, которые в текстах называются «тунго, тунгос, туну, тунсо». Эту лексическую закономерность, отраженную в фольклоре, отмечают исследователи ненецкого языка: «ни одному из ненецких диалектов не известно никакое иное обозначение восточных соседей, кроме *tun̄go*, причем оно широко употребляется в традиционном фольклоре не только сибирских, но и европейских ненцев» [Аникин, Хелимский, 2005, с. 27].

Образ врага-эвенка весьма распространен в ненецком фольклоре – враждебные тунго упо-

минаются во многих текстах преданий и эпических песен. В ненецком эпосе тунго представляются не только как враждебные пришельцы, но и как богатыри, великаны или чудовища, победа над которыми дается ненецким героям с большим трудом – убить тунго нередко можно лишь при помощи волшебства, например, стрелами из кости мамонта [Эпические песни ненцев, 1965, с. 236]. В фольклоре ненцев богатырь Тунго представляется могучим противником, обладающим волшебными способностями – после смерти Тунго способен ускользать искрой или частью тела (сердцем), чтобы отомстить в будущем [Головнев, 1995, с. 107–108].

Фольклорные тексты ненцев о Тунго сохраняют ряд этнографических традиций, характерных для эвенков. Тунго в фольклоре ненцев чаще предстают пешими воинами или охотниками на лыжах: «По настовой дороге трое идут. Лыжи их – от ступни в обе стороны по семь сажень; лук – будто большой выщербленный земляной холм; тетива – будто воды пахнувшей изгиб» [Головнев, 2004, с. 199]. В некоторых сюжетах тунго обладают оленями, ездят верхом, что кардинально отличает их от ненцев. Так, в сказании «Могучий Пучи» («Пучи Мэбите») ненецкий богатырь по ошибке убивает верхового оленя богатыря Тунго, из-за чего происходит битва, в которой побеждает ненецкий герой [Там же, с. 216–217].

Образ врага-тунго присутствует в мифологии и мировоззрении ненцев. Так, в шаманской традиции ненцев существует образ «Тунго сэй» – фигурка, символизирующая сердце Тунго: «гладкий яйцевидный камень в шапке-мешочке из зеленого сукна – также служила для отпугивания злых духов. По представлениям ненцев, тунго – воинственные жители леса, имеющие зеленую кровь и обитающие в пещерах, они пользуются дубинками и кожаными мешками, нападают на стойбища и крадут женщин (их воинственный клич “Орук!”)» [Перевалова, 2019, с. 111]. Согласно шаманским традициям ненцев, Тунго, не имеющий сердца, является одним из представителей пантеона духов верхнего мира. Так, в одном из текстов шаманских песнопений повествуется о предке-шамане, путешествовавшем в верхнем мире и вернувшем глаза слепому старцу. По структуре фольклорного текста становится ясно, что он представляет собой сохра-

нившееся камлание – шаман поднимается в верхний мир, достигая места обитания сильных духов:

«Нёры һаха`на манэ`мы

Һарка мякана Һа илевы

Вэ`няуымякана

Сейсяда-Тууу илевы.

Ине няуы мякана

Я`Хора`-Ерв илевы.

– Мимо [тех же чумов], которые я проезжал,

В большом чуме Нга жил,

В другом чуме

Сердца-не-имеющий Тунгу жил.

В левом чуме

Хозяин-олений-мамонтов жил» [Фольклор ненцев, 2001, с. 366–367].

На наш взгляд, образ Тунго / Тунгу в мировоззрении ненцев имеет мифологическое происхождение, связанное с шаманскими традициями. Позднее, в результате длительного военного противостояния с эвенками из-за территориальных претензий, мифологический образ, вероятно, был перенесен в повествовательный и эпический жанры ненецкого фольклора. Подобная специфика наделения образа реального исторического врага мифологическими чертами характерна для фольклора, а в особенности для эпического жанра разных народов.

Историческая память о давней вражде ненцев с эвенками в настоящее время прослеживается в ненецких поверьях и запретах: «Нельзя громко смеяться, иначе из оврагов выскочат тунгусы и заберут (нен писяй, пензя ваһахад тууо һадимда, сит ханаһу), ... ненецкие девушки не должны выходить на улицу в красивых ягушках вечером, иначе придет холостой тунгус и заберет в жены (тууо сядотахана саһа) – тунгусы красавиц любят» [Сорокина, Яндо, 2013, с. 56]. Вероятно, о похищениях ненецких женщин эвенками либо о существовавших взаимобрачных традициях двух народов свидетельствуют некоторые песенные тексты ненцев. Так, в сборнике «Фольклор ненцев», изданном в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», опубликован текст песни «Тууокана илевы не сё» («Песня женщины, жившей у тунго»):

«Тууоса ябтако-о-һэй

Тууоса хасава-а-һэй- һэй

Тараси һэвэйтта-һэй.

Сидявов не-һэй нюней-һэй,

Сидя-һэй нюней нися-а-а.

– *Тунго стройный-о-һэй,*

Тунго мужчина-а-һэй-һэй,

Очень умен-һэй,

Двух моих девочек-һэй, дочек-һэй,

Двух-һэй моих деток отец.

Боль-а-мей-һэй [от разлуки с ним] не проходит...» [Фольклор ненцев, 2001, с. 376–377].

Как видим, даже краткий анализ фольклорных источников не оставляет сомнений в том, что под фольклорными врагами «тунго / тууо / тунгос / тууу / тунсо» подразумеваются именно эвенки. Вероятно, этноним «перекочевал» из ненецкого языка в исторические документы, что обусловило его дальнейшее распространение. Исследователями отмечается, что этноним «тунгус» появляется в письменных источниках с XVI в., когда русские стали осваивать Западную Сибирь [Соколова, Туголуков, 1983, с. 82]. В немногочисленных описаниях раннего времени эвенки и эвены обозначались другими этнонимами. Например, в описании Паоло Карпини и Рубрука – европейских путешественников XII в. эвенки называются оренгаями (от одного из этнонимов «уранкай»): «Живут там также Оренгаи, которые подвязывают себе под ноги отполированные кости и двигаются на них по замерзшему снегу и по льду с такой сильной быстротой, что ловят птиц и зверей» [Путешествие ..., 1957, с. 154].

Подобная тенденция характерна для большинства этнонимов, распространившихся с приходом русского населения в Сибирь. Например, считается, что этноним «якут» происходит от эвенкийского «йюко / йюкол» [Новгородов, 2009]. По мнению большинства исследователей, тунгусское происхождение имеет этноним «юкагир» [Соколова, Туголуков, 1983, с. 87], в то время как наиболее распространенными самоназваниями юкагиров являются этнонимы «одул», «вадул» [Прокопьева, 2019, с. 188]. Причина широкого распространения «чужих» этнонимов вполне объяснима – в первые исторические документы чаще вносились этнонимы, которыми называли своих соседей представители этносов, встретивших русских раньше. К примеру, первые документальные упоминания о «якуцких людях», полученные казаками от

эвенков, относятся к концу 20-х гг. XVII в. Так, в 1628 г. боярским сыном Самсоном Навацким от шамагирских тунгусов были получены достоверные сведения, в которых говорилось, что «от их шамагирские земли неподалеку», а именно «по Лене же реке живут юртами якуцкие люди» [Иванов, 2015, с. 39–40]. Подобное распространение получил этноним «луча, нучча», проникший из самодийских языков в тунгусо-маньчжурские, а также в язык саха [Аникин, Хелимский, 2005, с. 26].

Таким образом, наиболее вероятной и научно обоснованной следует признать гипотезу о самодийском (ненецком) происхождении этнонима «тунгус», о чем весьма наглядно свидетельствуют материалы ненецкого языка и фольклора. Существовавший мифологический образ «тунго» в ходе исторических контактов ненцев с эвенками вошел в повествовательный и эпический жанры ненецкого фольклора, а также в обиходную межэтническую среду, откуда распространился в исторических документах, начиная с XVI в.

Литература

- Аникин А.Е., Хелимский Е.А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. – М., 2007. – 222 с.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 2. – 335 с.
- Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л.: Наука, 1969. – 304 с.
- Вернер Г.К. Словарь кетско-русский и русско-кетский. – СПб.: Дрофа, 2002. – 240 с.
- Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. – СПб., 1799. – Ч. III. – 116 с.
- Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО Ран, 1995. – 607 с.
- Головнев А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. – Екатеринбург: УрО Ран, 2004. – 344 с.
- Дульзон А.П. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям // Уч. зап. Том. гос. пед. ин-та. – Томск, 1961. – Т. 19, вып. 2. – С. 152–189.
- Золотарев А.М. Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII века // Историк-марксист. – 1938. – Кн. 2 (66). – С. 63–88.
- Иванов В.Н. Социально-экономические отношения у якутов. XVII век. – Якутск, 2015. – 468 с.
- Кацюба Д.В., Николаев Р.В. Этнография народов Сибири: уч. пос. – Кемерово, 1994. – 202 с.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.; Л.: АН СССР, 1941. – Т. 2. – 641 с.
- Ненецко-русский словарь / сост. Н.М. Терещенко. – Л.: Учпедгиз, 1955. – 316 с.
- Николаев С.И. Эвены и эвенки юго-восточной Якутии. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1964. – 202 с.
- Новгородов И.Н. О гипотезе языковых контактов якутов и эвенков в раннем Средневековье в связи с этнонимом саха (якут) // Восток. Афро-Азиатские сообщества: история и современность. – 2009. – № 2. – С. 105–107.
- Пекарский Э.К. К вопросу о происхождении слова «тунгус» // Этнографическое обозрение. – 1906. – Кн. 70–71. – С. 206–217.
- Перевалова Е.В. И не шаман, и не этнограф (этническая идентичность в музейных коллекциях) // Уральский исторический вестник. – 2019. – № 4 (65). – С. 108–115.
- Прокопьева П.Е. Этническая самоидентификация лесных юкагиров в языке и фольклоре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 12. – Т. 12. – С. 188–192.
- Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. – 272 с.
- Русско-ненецкий словарь / сост.: А.П. Пырерка, Н.М. Терещенко. – М.: Изд-во Иностраных и Национальных Словарей, 1948. – 408 с.
- Соколова З.П., Туголуков В.А. Старые и новые названия народов Севера // Советская этнография. – 1983. – № 1. – С. 76–87.
- Сорокина С.А., Яндо С. Отражение межэтнических отношений ненцев и эвенков в ненецком фольклоре // Вестник Герценовского университета. – 2013. – № 4. – С. 45–56.
- Старцев А.Ф. Ороки – орочёны, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина. – Владивосток: Дальнаука, 2015. – 163 с.
- Туголуков В.А. Тунгусы среди татар и хантов на Иртыше и Оби в XVI–XVII вв. // III Всесоюзная тюркологическая конференция. Литературоведение; история (тезисы докладов и сообщений). – Ташкент, 1960. – С. 169–170.
- Фольклор ненцев / сост.: Е.Т. Пушкарева, Л.В. Хомич. – Новосибирск: Наука, 2001. – 504 с.
- Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). – Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2014. – 386 с.
- Шиманский А.И. Происхождение и действительное значение слова «тунгус» // Этнографическое обозрение. – 1905. – № 4. – С. 106–117.

Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 240 с.

Эпические песни ненцев / сост. З.Н. Куприянова. – М.: Наука, 1965. – 782 с.

Helinski, Eugene; Janhunen, Juha: Once more on the ethnonym “Tungus”. – *SSib* 3. – 1990. – P. 67–72.

Janhunen Mscr. 1974 – Janhunen J. Tunguusin ja samojedin kosketuksista. Preliminääri katsaus. II osa, sanaluettelo. Esitelmä prof. Aulis J. Joen johtamissa aitalaisen kielentutkimuksen proseminaarissa 12. XII. – 1974.

Shirokogoroff S.M. 1929. Social organisation of the northern tungus. – Shanghai, P. V–VI. – 427 p.

A.N. Varlamov

Question of the Origin of the Ethnonym “Tungus”

The article is devoted to the analysis of the ethnonym “Tungus”, which is common in the scientific literature and historical sources of different times. The review of existing interpretations of the ethnonym is represented in the article, also the most probable hypothesis is marked, which is based on linguistic and folklore materials.

For a long time the etymology of the ethnonym provoked a scientific discussion in which the opinion about its Turkic origin was prevailing. In the second half of the XX century the hypothesis about Samodian (Nenets) origin of the ethnonym was put forward by the Finnish researcher Juha Janhunen. Later this hypothesis was suggested by E.A. Helinski and A.E. Anikin.

According to the author, firstly, the lexical material indicates genesis of the ethnonym “tungus” – in Nenets language the Evenki are called “tungo, tuno, tungos, tunu, tunso”. Secondly, this is particularly evident in the common image of the enemy-tungo, which designates the Evenki.

The presence of an image Tungo in the Nenets shaman pantheon of spirits indicates on mythological origin of the image, which entered the narrative and epic genre as a result of historical contacts between the Nenets and the Evenki. Since the XVI–XVII centuries the ethnonym “Tungus” has become widespread as a result of using it in the Russian historical sources.

Keywords: ethnonym, Evenki, Tungus, origin of the Tungus, Tungus-Samodian relations